

Они так и не выходили из дома. Чоу Хуайшэн успел приготовить ещё одно нехитрое угощение, а наевшись и напившись, они улеглись в постель и, обнявшись, сладко задремали. Проснувшись, Ань Цзыянь повернулся на бок и с облегчением почувствовал, что былая ломота в теле улеглась — силы вернулись к нему на добрых восемь частей из десяти. От этого движения проснулся и он. Он сонно прищурился, сладко зевнул и лишь затем неторопливо поднялся на постели.

Посмотрев на бодрствующего юношу, Чоу Хуайшэн мягко улыбнулся:

— Ну как ты? Тело больше не ноет?

— Намного лучше, — отозвался Ань Цзыянь, тоже приподнимаясь. — Давай вставать, не то проваляемся до темноты, и день пройдёт впустую!

Стоило ему сбросить тяжёлое одеяло, как кожу опалило морозным сквозняком. Остатки сна мгновенно улетучились.

— Ладно, одеваемся и идём, — согласился Чоу Хуайшэн. — Ты пока полежи в тепле, а я принесу твои вещи.

Он спустил ноги на холодный пол, распахнул дверцу платяного шкафа и отыскал дорожный узел Цзыяня. Достав оттуда плотные, тёплые одежды, он набросил их на край постели, а затем выудил кафтан и для себя.

Снарядившись как следует, они вышли в сени, обмолвились парой слов с хозяйкой дома и наконец перешагнули порог, навстречу свежему морскому воздуху.

Привычная тропинка вела их вчерашним путём напрямик к побережью. Дневное светило ещё держалось высоко, лаская кожу мягким, не обжигающим зимним теплом, однако оба понимали: в эту пору года сумерки опускаются стремительно и беспощадно.

Берег пестрел фигурами местных женщин. Согнувшись под тяжестью заплочных коробов, они усердно выискивали что-то в мокром песке. Зима — суровое время для здешних мест; мужчины уходили на промысел в далёкие, опасные воды, где улов богаче, оставляя все домашние заботы на плечах жён. Но Цзыяню и Хуайшэну повезло: хозяин их приюта вернулся загодя. Его лодка привезла знатную добычу, которой семье хватит на долгие недели сытой жизни, так что теперь он мог спокойно оставаться дома, окружённый теплом очага, женой и ребятишками.

Вдруг на горизонте показался силуэт одинокой ладьи, плавно скользящей к берегу. Женщины на пляже как один прервали свою работу, выпрямляясь и вглядываясь в морскую даль. Каждой хотелось узнать, чей кормилец возвращается домой. По обычаю, на мачтах всегда реяли семейные стяги, но сейчас лодка покачивалась слишком далеко, а блики слепящего солнца мешали разглядеть узор на полотнище.

Лишь когда судёнышко преодолело полосу прибоя, над берегом разнёсся звонкий крик:

— Глядите, это же лодка Ли! Сбегайте кто-нибудь к их хозяйке, позовите скорее!

Радостное оживление охватило толпу — пускай возвращались не их мужья, чужое благополучие грело душу не меньше своего.

— Я сбегаю! Я мигом! — звонко закричал босоногий сорванец. Сбросив на песок плетёную корзину, он во весь опор помчался к рыбацким лачугам.

Наблюдая за этой сценой, Ань Цзыянь невольно заулыбался. На душе стало тепло и покойно. Здесь царило простое, бесхитростное единодушие, бесконечно далёкое от ядовитых столичных интриг и удушающего соперничества императорских палат. Сам он никогда не лез в государственные дела, чуждаясь придворной возни, однако из рассказов брата Цыпина и отца-вана прекрасно знал, как там всё устроено. Вечные заговоры, коалиции, предательства бывших союзников — от этих бесконечных дрызг в ушах стоял лишь глухой гул, рождающий полную апатию и непреодолимое желание сбежать подальше. Ему всегда хотелось своими глазами увидеть, как живут обычные люди, лишённые этого бремени. И вот теперь, созерцая простую рыбацкую радость, он чувствовал, как сильно щемит в груди от невыносимого желания остаться здесь навсегда.

Тем временем киль лодки с мягким шорохом зарылся во влажный песок мелководья. Рыбаки торопливо спрыгнули за борт. Едва закрепив швартовы, они быстрым шагом направились к собравшимся на берегу. На их загорелых лицах лежала тень непритворной тревоги. Цзыянь сразу приметил эту мрачную суровость в их движениях, но взбудораженные женщины и дети, ослеплённые радостью встречи, ничего не замечали.

— Глядите, дядя Лю и остальные уже на берегу! Тётушка Сынян, да поспешите же! — донёсся сзади запыхавшийся детский голос.

Цзыянь и Хуайшэн оглянулись. Давешний сорванец вёл за собой взволнованную толпу: несколько женщин в простых платках и испуганная детвора торопливо семенили следом за ним.

— Кто бы думал, что всего за два дня мы застанем такое, — вполголоса произнёс Чоу Хуайшэн, не отводя взгляда от бегущих людей. — Море не прощает слабости. Каждая вылазка — смертельная игра со стихией. Наверное, поэтому для них любое возвращение, даже чужое, — истинный праздник.

— Да, — тихо согласился Цзыянь, замирая от чужого восторга. — Смотрю на них, и у самого сердце щемит. Это ведь и есть та самая чистая радость долгожданной встречи...

Он ласково скользнул взглядом по лицу Хуайшэна. Перед глазами невольно промелькнули воспоминания о том дне, когда он сам, едва спустившись с Горы Небесного Духа, вновь обнял

своего возлюбленного. Тогда его грудь распирало точно такое же ликующее счастье.

Цзыянь отвёл взгляд и вновь устремил его к воде. Прибежавшие женщины уже окружили вернувшихся рыбаков, наперебой расспрашивая о новостях. Но мужчины молчали. Они оставались хмурыми и неподвижными; они лишь беспокойно озирались, словно тщетно пытаясь разглядеть кого-то в пёстрой толпе.

— А где жена Лю? — наконец хрипло спросил один из них, перебивая гомон.

— У неё дитя расхворалось, из дома носа не кажет, — отозвалась пожилая женщина, утирая пот со лба. — Постой-ка... А где же Лю Ци? Он ведь уходил в море вместе с вами. Что-то я его не примечаю?

Слова её упали в толпу, словно тяжёлый камень. Люди вокруг мгновенно притихли, испуганно переглядываясь и шёпотом делясь недобрыми догадками.

— Пойду сам скажу ей, — глухо бросил рыбак.

Развернувшись, он быстрыми шагами направился к деревне. Спутники, прибывшие с ним на лодке, молча последовали за ним, понутив головы.

— Какое горе, прости господи... — запричитала одна из баб, провожая их взглядом. — В прошлом году, когда половина наших мужиков в море сгинула, её-то хозяин выжил — по чистой случайности на берегу остался. А теперь в их доме окромя грудного младенца только Лю Ци и оставался кормильцем. Пришлось ему к Ли на борт проситься, чтоб хоть на кусок хлеба заработать. А гляньте на лицо старосты Ли — видать, прибрала пучина нашего Лю Ци...

— И то правда, — подхватила другая. — Слава небу, хоть дитятко успел зачать, не угас род Лю окончательно. Да только какво бедной бабе теперь одной с младенцем на руках выживать? Жизнь-то у нас тут несладкая...

— Сама виновата, — злобно прошипела стоящая поодаль молодка, скривившись. — Я давно говорила: девка эта проклята, приносит один разор. Сперва свёкра со всей роднёй в могилу свела, теперь вот и мужа сгубила. Как бы и дитя своё безголовое на тот свет не отправила, оно ведь у неё с самого рождения чахнет, едва дышит.

— Тсс, побойся бога, не вздумай сказать ей такое в глаза! — шикнули на неё старшие бабы. — Пойдёмте лучше, разузнаем всё до конца.

И толпа, увлечённая мрачным любопытством, потянулась следом за рыбаками к деревне.

Услышав этот пересуд, Цзыянь и Хуайшэн почувствовали, как к горлу подступил горький ком. Особенно тяжело пришлось Цзыяню. Его недавний безоблачный восторг испарился без следа,

уступив место давящей тоске. Багровое солнце уже коснулось кромки воды, окрашивая море в оттенки расплавленного золота, но дивный закат больше не радовал глаз. Юноша стоял, понутив голову. Он искренне не понимал жестокости этих людей: почему в чужих несчастьях всегда нужно обвинять того, кто сам раздавлен горем? Зачем вешать ярлык проклятия на несчастную женщину?

Заметив, что юноша помрачнел, Чоу Хуайшэн мягко приобнял его за плечи. Он слишком хорошо знал ранимую душу своего спутника, принимавшего любую чужую беду близко к сердцу.

— Хочешь, пойдём за ними? — негромко спросил он.

— Нет, — покачал головой Цзыянь, пряча лицо в тёплый воротник. — Давай вернёмся в дом.

Он знал, что не вынесет чужого отчаяния. Слишком свежи были раны от собственных былых невзгод, да и совладать со своей чрезмерной чуткостью он никогда не умел, хоть и корил себя за излишнюю сентиментальность. Стороннему наблюдателю могло показаться, что по характеру он точь-в-точь папа Фэн Бэйцэ — такой же невозмутимый и кроткий. Но сам Цзыянь знал: за этой маской безразличия скрывалось ранимое сердце. Он лишь казался спокойным, перенимая у папы внешнюю сдержанность. Стоило ему умолкнуть, и сходство с Фэн Бэйцэ становилось разительным, будто их отлили в одной форме, но внутри бушевал совсем иной ураган.

— Раз так, идём обратно, — ласково произнёс Хуайшэн.

Ань Цзыянь молча кивнул и доверчиво вложил свою ладонь в тёплую руку Чоу Хуайшэна. Развернувшись спиной к морю, они медленно пошли прочь. А позади догорал багровый зимний закат, растягивая их силуэты далеко по песку, смывая длинные тени набегающей волной, пока двое влюблённых не скрылись за прибрежными дюнами.